

Он до сих пор помнит тот день, когда впервые встретил мальчика, которого вскоре полюбит как собственного сына. Он впервые увидел его в больнице, когда тот только поступил.

Он до сих пор помнит первый настоящий разговор, который они вели в его доме. Это было, когда он впервые пришел на занятия, которые они с Кушиной помогли организовать Наруто. Это было сделано для того, чтобы помочь их дочери сблизиться с друзьями. Разговор шел о печатях.

[— Это печать, которая регулирует температуру окружающей среды. Интересно, не правда ли?

— Как это вообще работает? Печати — это ведь, по сути, просто чернила и бумага, верно? Как нечто подобное может регулировать температуру и запечатывать предметы в свиток?]

Он вспомнил, как был взволнован, когда знакомил мальчика с миром печатей. Он помнил, как мальчику было интересно узнать о печатях.

Он услышал, как она подошла к нему сзади.

— Минато.

— Я не справился, Кушина. Какой из меня Хокаге?

Пронзительный вихрь вращающегося ветра раздался, когда Минато поднял Расенсюрикен в воздух. Дзюцу, которое он смог довести до совершенства только благодаря своему сыну. Сыну, который не связан с ним кровным родством, но все равно является его сыном во всех смыслах этого слова.

Мальчику, который слишком добр, чтобы быть шиноби, даже если у него это получается. Мальчик, который сразу понял, что значит, когда его крестный отец стал Хокаге, и поэтому не хочет усложнять ему жизнь, заставляя принять правильное решение ради деревни. Потому что его крестный отец - Хокаге, а деревне нужен свой Хокаге. Его сын - просто добрый мальчик, который не хотел ставить своего бесполезного крестного в трудное положение.

Он должен был сразу перейти к делу. Его сын всегда любил все делать прямолинейно, и он знал это. Он должен был сразу же сказать сыну, что Кизаши помиловал его. Была причина, по которой Кизаши специально использовал свой последний вздох, чтобы помиловать Хаку, потому что Кизаши предсказал, что произойдет нечто подобное.

Возможно, это было из-за чувства вины, но Кизаши хотел помочь Хаку и максимально смягчить ущерб, прежде чем он отправится в вечный сон. Слова Кизаши и сейчас имели большую силу над его словами, ведь Кизаши был Хокаге более десяти лет, в то время как он - Хокаге всего

несколько дней.

Помилование Кизаши было тем, что нужно, чтобы вытащить Хаку из этого переплета. Это был последний подарок Кизаши ему, потому что он знает, как важен для него Хаку.

Если бы даже Кизаши решил помиловать его, если бы Хаку знал это, ему не нужно было бы беспокоиться о своем бесполезном крестном отце, о новом статусе его крестного отца как Хокаге. Хаку не нужно было бы беспокоиться о том, как его действия, связанные с инцидентом с Ниби, негативно повлияют на его крестного отца, и ошибочно считать, что он является источником всех его трудностей из-за этого.

Он просто слишком умен. Все всегда недооценивают, насколько умным и проницательным может быть их сын. Иногда его сын слишком умен для своего собственного блага, и поэтому он склонен беспокоиться о самых ненужных вещах. Он думает обо всех, кто ему дорог, но никогда не думает о себе. И когда он, наконец, решает подумать за себя, все, чего он хочет - это самый быстрый и безболезненный способ выбраться из этой проклятой системы шиноби.

[— Почему? Вы уже забрали мою физическую свободу, свободу того, как я хочу жить. Почему вы отняли у меня единственную оставшуюся свободу? Мою свободу в том, как я хочу закончить свою жизнь? Что еще вы от меня хотите? Что еще вы хотите, чтобы я дал этой деревне?]

Люди называли его Желтой Молнией, и все же он не был достаточно быстр, чтобы остановить своего сына. Он думал, что действительно потерял своего сына.

Он до сих пор помнит шок и облегчение, когда печать действительно сработала. Печать, которую они с Кушиной тайно наложили на него, когда впервые встретили его в больнице много лет назад. Это было так давно, что все уже забыли, что на нем до сих пор стоит такая печать.

Печать, которая тайно забрала его свободу. Эта печать была тайно наложена на него в тот день, сразу после того, как Кизаши заставил его остаться в Конохе. Хаку поддался усталости и снова заснул. Все остальные, кроме взрослых, покинули комнату. Именно это счастливое и извращенное совпадение спасло его от потери сына.

[— Ты уверен в этом, Кизаши?

— Очевидно, что у него серьезные суицидальные наклонности. Я думаю, это необходимо. Не волнуйся, это лишь краткосрочная мера. Мы всегда сможем снять ее, когда ему станет лучше.]

Ему так и не стало лучше, поэтому они так и не сняли ее. В конце концов, прошло время. Это конкретное воспоминание выветрилось из памяти, и все забыли, что такая печать все еще есть на его сыне.

Хаку прав.

Что еще они могут у него отнять? У Хаку даже не было свободы выбора, как у Кизаши, даже если Минато рад, что его сын жив, пусть даже только в физическом смысле.

Все знали, что даже если Кизаши помилует Хаку, ему не удастся выйти сухим из воды. По крайней мере, не полностью, потому что он нарушил один из самых фундаментальных законов их деревни, который был установлен с момента ее основания.

Хаку все равно придется понести наказание, но, по крайней мере, помилование Кизаши позволит ему избежать смертного приговора и получить вместо него гораздо более мягкое наказание. Тем не менее, Минато все предусмотрел. Это было идеальное соглашение, чтобы вытащить Хаку с наименьшими осложнениями.

Он уверен, что все останутся довольны. Хаку получит не больше, чем пощечину. Никто не сказал обратного, когда он предложил это, даже Цунаде после долгих уговоров с его стороны, потому что все видят, что это сработает. Это лучший вариант для всех участников.

Но все нужно учитывать и объяснять, и все, кто не знает его хорошо, просто хотят знать, почему он так поступил. Все согласились, что Хаку заслуживает справедливого шанса хотя бы объясниться, поэтому они вызвали его. Они просто не ожидали, что у него будет такая бурная реакция на слова Цунаде и Фугаку.

Ему не следовало пускать Цунаде на эту встречу, да и вообще приближать ее к сыну. У нее явно не сложилось благоприятного впечатления о Хаку. Все остальные были заняты тем, что пытались сохранить деревню после смерти его лучшего друга.

Все были настолько заняты, что никто даже не знал, что Хаку был заперт Цунаде в холодной темной камере глубоко под землей с момента окончания вторжения. Все потому, что она была в ярости на него и не доверяла ему настолько, чтобы он не "сделал ничего смешного".

Она никогда не сообщала об этом другим, говоря лишь, что он все еще жив. Они сами думали, что Хаку вернулся домой после окончания вторжения. Все только предполагали, никто не проверял. Они были слишком заняты, включая Хиаши, у которого даже не было возможности вернуться в лагерь, чтобы лично проверить своих детей. Это был тяжелый случай серии неправильных предположений и недопонимания.

Только когда через день у них наконец появилось время проанализировать ситуацию с Ниби, и Какаши отправился за Хаку, он узнал, что его сын все это время находился в подземной тюрьме.

Это была одна из причин, почему все взорвалось в его кабинете. Это была его первая ошибка. Он должен был следить за местонахождением своего сына. В этом месте они держали своих худших преступников, если им это когда-нибудь понадобится.

Бог знает, что случилось с и без того хрупкой психикой Хаку, когда его надолго заперли в таком ужасном месте, да еще и сразу после того, как с ним произошло нечто травмирующее. Человек, о котором он больше всего заботился, почти умер прямо у него на глазах. Конечно, он был травмирован. Любой человек будет травмирован.

Если бы не его уважение к Санину-слизняку и уважение к Джирайе-сенсею, он бы уже давно пробил ее Расенсюрикеном до самой Ивы.

<http://tl.rulate.ru/book/62135/1747340>